
Уютный детектив
Приглашение, или Смерть невесты
Приглашение на свадьбу
Серия «Красный карандаш»
книга 19

Милана Панова

Приглашение или Смерть невесты

«Автор»
2026

Панова М.

Приглашение или Смерть невесты / М. Панова — «Автор», 2026

В почтовом ящике корректора Нины Платоновой лежит приглашение на свадьбу, которой нет: «Андрей Громов и Милена Воронцова». Нина не собирается скандалить, она хочет разобраться. Оказывается, приглашение разослал покойный издатель Виктор Лавров, а Милена — его тайная дочь, владелица свадебного салона «Белая фата». Чтобы получить наследство, ей надо успеть прийти к нотариусу до конца лета. На следующий день после примерки Нининого платья Милену находят в этом самом платье, повешенной на фате. Подозревают Нину. Спасти репутацию и найти убийцу ей помогут красный карандаш, внимательность к одной-единственной ошибке и кот Эклер. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Приглашение или Смерть невесты

Приглашение, или Смерть невесты
Серия «Красный карандаш», книга 19

Глава 1. Лишняя невеста

Открытку я положила перед Андреем в семь вечера, на кухне, между тарелкой с макаронами и блюдцем с сыром, который Эклер вот уже десять минут пытался стащить, делая вид, что просто проходит мимо.

Андрей прочёл. Перечитал. Перевернул, посмотрел на обороте, поднёс к лампе, как делал всегда, когда не доверял собственным глазам.

— «Андрей Громов и Милена Воронцова», — сказал он вслух. — Двадцать пятое октября. Дворец бракосочетания.

— Ты знаешь кого-нибудь по имени Милена?

— Знаю Милену из паспортного стола. Ей шестьдесят три года, она в отпуске с мая и считает меня «приличным мальчиком». Это точно не она.

— Андрей.

— Я не шучу. Я пытаюсь рассуждать вслух.

— И как?

— Плохо. — Он положил открытку на стол. — Нина, у меня нет невесты, кроме тебя. У меня не было невесты, кроме тебя, и, если не случится чего-то непредвиденного, не будет. Это шутка, или ошибка, или злая выдумка.

— Или всё сразу.

— Или всё сразу. А это?

Он ткнул пальцем в обратную сторону. «Нина, вы ведь любите читать между строк? Прочтите. Хороший корректор не пропустит ни одной ошибки. А эту вы пропустили. Н. П.»

— Почерк.

— Чей?

— Мне кажется, Лаврова.

Андрей молчал.

— Я видела его два дня. Я читала его письма. Я не могла ошибиться: он так писал «р», с длинным хвостом вниз, и такое «д» с петлёй. Я сверила с его письмом, которое лежит у меня в сумке.

— Лавров умер в июне.

— Знаю.

— Значит, это подделка.

— Или он написал это раньше.

— Что значит «раньше»?

— Не знаю. — Я села и подпёрла щёку кулаком. — Он очень любил оставлять письма. Нотариусу, Маргарите, мне. Мне кажется, он успел оставить ещё одно.

Эклер наконец добрался до сыра, свалил его на пол и, ничуть не стыдясь, принялся грызть.

— Шаталов, — сказал Андрей.

— Шаталов.

Нотариус принял нас на следующее утро в своей конторе на Садовой, в тёмных комнатах с портретами русских юристов девятнадцатого века и запахом старой бумаги. Он сидел за огромным дубовым столом и казался на этом фоне ещё добрее и мягче, чем в день нашей

первой встречи: те же седые бакенбарды, тот же светлый пиджак, та же привычка медленно снимать и протирать очки.

— Нина Сергеевна, — сказал он, выслушав меня. — Я ждал вас.

— Ждали?

— Не именно вас и не сегодня. Но Виктор Игоревич предупредил: «Когда Нина Сергеевна получит приглашение, придёт к вам». Он считал, что вы сообразите быстро.

— Он знал про открытку?

— Он сам её заказал. — Шаталов открыл ящик стола и достал серый конверт. — За две недели до смерти. Типография «Оттиск», на Рабочей. Он оплатил заказ вперёд, велел отправить по почте в середине июля, на имя Нины Сергеевны Платоновой, лично. Я исполнил.

— Тогда почему «Андрей Громов и Милена Воронцова»?

— Потому что Милена существует, — сказал Шаталов. — И Виктор Игоревич хотел, чтобы вы с ней познакомились. Но не мог объяснить. Не хватило времени. Вот. Это для вас.

Он положил конверт на стол. Бумага была та же, что и в июне: плотная, кремовая, с едва заметным водяным знаком в форме якоря. Я вскрыла и достала лист, исписанный тем самым наклонным, торопливым почерком.

«Нина Сергеевна.

Если вы читаете это, значит, открытка до вас дошла и вы пришли к Шаталову. Я не сомневался. Вы единственная, кто вычитывает приглашения на чужие свадьбы.

Простите за маскарад. Мне нужно было, чтобы вы не смогли оставить это без внимания. Я знал, что подпись «Милена Воронцова» заставит вас искать. А если вы ищете, то найдёте.

Милена Викторовна Воронцова моя дочь.

Ей тридцать три. Её мать, Лидия, умерла шесть лет назад. Милена не знает, кто я. Лидия просила: «Не вмешивайся». Я не вмешивался. Я купил ей салон, через подставную фирму, и каждый год платил арендодателю. Я заказывал у неё платья для сотрудниц, не называя себя. Я следил. Это всё, что я мог.

После моей смерти она станет единственной наследницей «Лавр-Медиа». Я оформил завещание так, что, если Милена не примет наследство до конца августа, всё перейдёт к Игорю Каменеву, моему партнёру. Я ему доверяю. Почти. Но почти иногда бывает опаснее, чем совсем не доверяю.

Прошу вас об одном. Подружитесь с ней. Не говорите, кто я, пока не почувствуете, что можно. Она вспыльчивая, самолюбивая, смешная и очень одинокая. Она не поверит мне. Но, может, поверит вам.

Свадьба, которой нет, это шутка. Простите меня за неё.

В. Л.»

Я перечитала письмо дважды и подняла глаза на нотариуса.

— У Лаврова была дочь.

— Да.

— Об этом знали вы.

— И ещё два человека. Каменев. И Эля Штейн. Больше никто.

— Маргарита Викторовна?

— Нет. — Он слегка покачал головой. — Он боялся, что она не простит. Что решит, будто он двадцать лет её обманывал. А на самом деле Милена родилась в девяносто втором году. За шесть лет до их свадьбы. Лавров знал, но не стал рассказывать. Он был трусом, Нина Сергеевна. Хорошим человеком, но трусом.

Андрей, сидевший у окна, тихо спросил:

— Что будет, если Милена не примет наследство?

— Всё перейдёт к Каменеву. Двести миллионов, доля в «Лавр-Медиа», два дома.

— Срок?

— До тридцать первого августа. Встреча у меня в конторе двадцать второго. Я приглашу её письмом. Но она, судя по всему, не знает, что наследство существует. Может не прийти.

— Или может не дожить, — сказал Андрей.

Шаталов вздрогнул.

— Вы что, подозреваете…

— Я ничего не подозреваю. Я просто полицейский. Мы всегда думаем о худшем. — Андрей встал. — Нина, поехали. Пока нечего додумывать.

В машине я долго молчала. Потом сказала:

— Ему нужен был кто-то, кому она могла бы поверить.

— Кому?

— Мне. Он знал, что у меня нет причин любить его и нет причин врать.

— Ты согласна?

— Не знаю. — Я посмотрела на открытку. — Но этот день рождения, этот салон, эта «шутка»… Он хотел, чтобы я пошла и посмотрела на неё глазами, а не слухами.

— Салон?

— «Белая фата». На Пушкинской.

— Тот самый, куда ты записана на примерку?

— Куда записала меня Катя.

— Совпадение?

— В нашем деле их не бывает, — сказала я. — Но иногда случаются слишком красивые.

Глава 2. «Белая фата»

Салон «Белая фата» занимал первый этаж старого особняка на Пушкинской, между книжной лавкой и кофейней с видом на фонтан. Над дверью висела витрина с манекеном в кружевном платье цвета слоновой кости, а рядом на подставке лежала раскрытая книга отзывов в кожаном переплёте. Внутри пахло лавандой, свежей тканью и кофе.

Мы пришли втроём: я, Катя и Эклер, который в тот день упрямо отказывался оставаться дома. Катя к тому времени была уже в положении, на шестом месяце, и ходила с гордо выпяченным животом, придерживая его рукой, как носят корзинку с драгоценными яйцами. На ней был сарафан в мелкий цветочек и белые кроссовки.

— Нина Сергеевна, вы не нервничаете? — спросила она, толкая стеклянную дверь.

— Нервничаю.

— Из-за платья?

— Из-за людей.

— Это нормально. Невесты всегда боятся продавщиц.

— Я боюсь не продавщиц.

— А кого?

— Совпадений.

Она не поняла, но улыбнулась.

Салон оказался просторным, залитым светом: высокие потолки, длинные зеркала, шёлковые драпировки, кресла цвета пудры. На вешалках висели платья: десятки, сотни: белые, кремовые, шампанские, с кружевом, с вышивкой, с фатиновыми юбками. В центре, на низком подиуме, стояла круглая платформа, окружённая зеркалами.

— Добро пожаловать!

Из подсобки, откинув занавеску, вышла женщина.

Она была невысока, смугла, с тёмными вьющимися волосами, стянутыми в небрежный узел, и огромными тёмными глазами, в которых плясали озорные чёртики. Лет тридцати трёх. На ней был чёрный комбинезон с булавками на воротнике, на шее сантиметровая лента, на запястье подушечка с иголками. Выглядела она так, будто сейчас расхохочется над любой вашей фразой, и вы с удовольствием поддержите шутку.

— Нина Сергеевна Платонова? — сказала она, пожимая мне руку обеими ладонями. — Я Милена. Это я вас буду одевать. Вернее, ваше платье подбирать. Одевать буду, если разрешите.

— Приятно познакомиться.

— Мне тоже. Я столько про вас слышала. Катя тут целую оду пела.

— Катя преувеличивает.

— Катя не преувеличивает, — сказала Катя и, покраснев, отвернулась к вешалке.

Милена засмеялась. Смех у неё был звонкий, заразительный, и в нём слышалось что-то знакомое, смутно, как мелодия из детства. Я подумала: «Лавров», и сразу же отогнала мысль.

— А это кто? — Она наклонилась к Эклеру. Он сидел на моём плече и разглядывал её с тем сосредоточенным вниманием, с каким рассматривал только очень хороших или очень опасных людей.

— Эклер.

— Эклер. — Она протянула палец. — Можно?

Он осторожно понюхал, коснулся носом, потом вдруг потёрся щекой о её ладонь и громко, раскатисто мурлыкнул.

— Принят, — сказала Милена. — Все мои клиенты проходят кошачий контроль. Если кот не одобряет, я с вами не работаю.

— Вы это серьёзно?

— Абсолютно. У меня была одна невеста, которая обидела моего кота. Больше она здесь не появлялась.

— У вас есть кот?

— Нет. Но будет. Я его жду.

Я невольно улыбнулась.

В салоне, кроме Милены, работали ещё двое. Эльза Карловна Бауэр, швея, сухонькая седая женщина лет шестидесяти с очками на цепочке и вечно торчащей из волос иголкой, строго кивнула мне из угла и вернулась к строчке. Диана, молоденькая помощница с розовыми волосами, прыснула в кулак и скрылась за занавеской.

— Это моя команда, — сказала Милена. — Эльза Карловна моя совесть. Диана моя совесть, которой двадцать два года. А у меня, значит, их две. Ужасно удобно.

Катя уже ходила вдоль вешалок и охала от восторга.

— Нина Сергеевна, посмотрите! Какое кружево!

— Посмотрю.

— Начнём с эскиза? — спросила Милена. — Я рисую каждой невесте своё платье. Не покупаю готовое. Шью на заказ. Может, это дорого, но ни одна моя невеста не вышла замуж в чужом.

— Мне не нужно что-то особенное.

— Всем так кажется. Пока не увидят.

Она достала альбом, раскрыла. Эскизы были выполнены тушью, лёгкими, живыми линиями. Платья, женщины, цветы. Я невольно залюбовалась.

— Вот, — сказала Милена. — Для вас я вижу вот это.

Она показала на страницу. На рисунке была женщина в простом, строгом платье цвета топлёного молока, без пышной юбки и лишнего кружева, с высоким воротом и длинными прямыми рукавами. Платье струилось, как вода. Рядом, на полях, мелким почерком было написано: «Корректор. Любит точность. Красный карандаш в кармане».

— Откуда вы знаете про карандаш?

— Катя рассказала.

— Я не… — начала Катя.

— Всё равно, — засмеялась Милена. — Мне хватило пяти минут, чтобы понять, что вы человек простых линий. И что вы не терпите лишнего.

— Это правда.

— Платье будет из итальянского крепа. Без блёсток. С маленькой пуговичной застёжкой на спине. Если хотите, пришью красную нитку изнутри. Для счастья.

— Красную нитку?

— Это старая традиция. Её нужно спрятать так, чтобы никто не заметил.

Я посмотрела на неё и вдруг подумала, что, наверное, Лавров не зря выбрал именно эту женщину: в ней жила та же быстрая, ироничная, живая жилка, которая когда-то была в Маргарите Викторовне.

Катя в это время нашла на вешалке платье, примерила прямо поверх сарафана и вышла в нём, смущённая, красная, довольная.

— Как я выгляжу?

— Как человек, который не наденет это на свадьбу, потому что лучше шить на заказ, — сказала Милена.

— Что?

— Говорю, не наденет. Тем более в положении.

— Я не собираюсь замуж. Я уже замужем.

— Тогда это для подруги.

— Тогда я надену, — сказала Катя. Все засмеялись.

Милена вдруг сказала, не оборачиваясь, как бы между делом:

— Кстати. Невесту одевают. Платье надевают. Запомните. Если кто-нибудь из вас в моём салоне скажет «я одела платье», я выселю на улицу. С вещами.

— Я постараюсь, — сказала Катя.

— Это мой пунктик. — Милена улыбнулась. — Мама была учительницей русского языка. Она вбивала мне это в голову с детства. «Одеть» кого-то, «надеть» что-то. Так я и живу.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Ваша мама была учительницей?

— Да. В школе номер двадцать три. Лидия Сергеевна Воронцова. Её весь город знал.

— Лидия Сергеевна. — Я осторожно кивнула. — А отец?

Милена на мгновение замолчала. Потом легко пожала плечами.

— Не знаю. Он ушёл до моего рождения. Мама никогда о нём не рассказывала. Сказала один раз: «Он был хорошим человеком и плохим мужем. Не ищи». Я не искала.

— Простите.

— Ничего. Мне было ничего. Я привыкла.

В этот момент в дверь салона позвонили. Вошёл мужчина лет сорока в бежевом льняном костюме, высокий, поджарый, с шапкой светлых волос и нервными, слишком живыми руками. Он держал в одной руке букет роз, в другой папку.

— Привет, Мил, — сказал он. — Можно?

Милена изменилась мгновенно. Улыбка исчезла, лицо стало холодным.

— Артур. Я занята.

— Я ненадолго.

— У меня клиентка.

— Я знаю. Просто хотел поговорить.

— Не здесь.

— Мил, мне нужно, — он понизил голос. — Только пять минут. Про долг.

— Я же сказала.

— Милена.

— Артур, — она произнесла это тихо, очень чётко. — Уходи.

Он постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом положил букет на стойку.

— Это тебе.

— Не надо.

— Всё равно оставлю.

Он повернулся и вышел. Звякнул колокольчик. Милена несколько секунд смотрела на дверь, потом взяла розы, прошла к мусорному ведру и осторожно, без злости, положила в него букет.

— Мой бывший, — сказала она. — Бывший жених. Бывший партнёр по бизнесу. Бывший человек. Простите за сцену.

— Это ваше дело, — сказала я.

— Нет. Мне стыдно. — Она вытерла руки. — Он взял у меня четыреста тысяч на открытие второго салона. Салона нет, денег нет. Я больше ничего не жду.

— Вы могли бы пойти в суд.

— Могла бы. Но он когда-то был для меня семьёй. — Она улыбнулась. Улыбка вышла неровная. — Вот так и живу. Вечно жалею тех, кого надо выгнать.

— Это достоинство.

— Это идиотизм. — Она встряхнулась. — Ладно. Давайте мерки снимем. Нина Сергеевна, пройдите, пожалуйста, на платформу.

Я встала на круглое возвышение. Милена обошла меня кругом, замеряя сантиметром талию, плечи, длину рукава, скорость, с которой ножницы проходили через ткань. Руки у неё были тёплые, ловкие. Катя сидела на диване, листая журнал. Эклер лежал на подушке и, казалось, спал.

— Нина Сергеевна, — сказала Милена, не отрываясь от работы. — Можно вопрос?

— Конечно.

— Мне вчера пришло приглашение. На свадьбу. Странное.

Я замерла.

— Какое?

— «Андрей Громов и Милена Воронцова». Двадцать пятое октября. Я решила, что кто-то шутит. Или Артур, или конкурент. У меня есть конкурентка, Регина. Она любит гадости.

— Вы показали кому-нибудь?

— Нет. Выбросила. Но имя «Громов» застряло в голове. Это же имя вашего жениха?

— Да.

— Совпадение?

— Не знаю.

— Мне тоже интересно. — Она улыбнулась, но в глазах мелькнуло беспокойство. — Вы думаете, кто-то хочет нас поссорить?

— Возможно, — сказала я, осторожно выбирая слова. — Или кто-то хочет, чтобы мы познакомились.

— Зачем?

— Хороший вопрос.

— Нина Сергеевна. — Она подняла на меня глаза. — Вы что-то знаете.

— Пока не уверена.

— Скажете, когда будете уверены?

— Скажу.

— Обещаете?

— Обещаю.

Она кивнула и вернулась к мерке. Но я заметила, как тихо у неё дрогнули пальцы.

Глава 3. Партнёр

Игорь Борисович Каменев пришёл в издательство на следующий день, в десять утра, и сразу занял пространство, как занимают его люди, привыкшие, что всем остальным придётся подвинуться. Он был высок, широкоплеч, лет пятидесяти восьми, с загорелым лицом яхтс-

мена, седыми висками и безупречной улыбкой. Серый костюм сидел на нём как вторая кожа, на запястье блестели часы стоимостью с хорошую квартиру. Пахло от него морем и дорогим одеколоном.

— Маргарита Викторовна, — сказал он, целуя руку Дымовой с лёгким старомодным поклоном. — Я должен был прийти раньше. Но дела, дела. Хоронил друга, оформлял бумаги. Вы знаете, как это бывает.

— Знаю, — сухо сказала Дымова. — Присаживайтесь, Игорь Борисович.

Он сел, закинул ногу на ногу, оглядел кабинет с улыбкой коллекционера, любующегося чужой коллекцией.

— Прекрасный кабинет. Виктор всегда говорил: «Это место, где я был счастлив». Он вообще часто о вас говорил.

— Не знала.

— Он, кажется, любил вас до самого конца.

Дымова не ответила. Я стояла у окна, делая вид, что просматриваю гранки. Эклер сидел на подоконнике и не сводил глаз с гостя.

— Игорь Борисович, — сказала Маргарита Викторовна. — Чем могу помочь?

— Я хотел поговорить о «Лавр-Медиа». Вы, наверное, знаете, что после смерти Виктора холдинг остался без хозяина. Наследник, как мне сообщил нотариус, ещё не вступил в права. Если до тридцать первого августа никто не объявится, активы перейдут ко мне как к партнёру. Но я хотел бы заранее обсудить возможность сотрудничества.

— С нами?

— Именно. У вас прекрасное издательство. У нас дистрибуция по стране. Вместе мы могли бы…

— Подождите. — Маргарита Викторовна подняла руку. — Вы сказали «наследник». Есть наследник?

Каменев на секунду замер. Потом улыбнулся ещё шире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.